

К Майкову же относятся, повидимому, и такие строки:

«Овидия себе в наставники избрал,
 Который никогда, как думаю, не врал,
 Писал он хорошо, остро, замысловато,
 А я переводил гораздо плоховато. . .
 Латинский мне язык и русский неизвестен,
 Других не знаю я, а прочих не учил;
 Однако лишь перо в чернила омочил,
 То вздумал о себе, что есть во мне примета,
 Такая, что мне быть учителем полсвета,
 Так должно ли мне в чем последовать кому. . .
 . . . Учиться не хотел, как выступить мне в люди
 И бубны принимал не ведая за ялуди».
 (Стихи на качели.)

«Плачевное падение стихотворцев» посвящено не одному Эмину. В поэме, повидимому, дается комбинированный портрет литературных врагов Чулкова. Во всяком случае, строки:

«Я дам свободный путь пресветлому уму
 И следовать ни в чем не буду никому.
 Во всех писателях велики зрю пороки,
 Они неправильно свои водили строки», —

относятся к Майкову, получившему уже такую же характеристику в «Стихах на качели». О Майкове же и его «Елисее» говорится и в следующих строках:

«Подвигни и меня с тобой поплакать ныне,
 Понеже я стремлюсь к Парнасской твердыне,
 Которую пиит в стихах поколебал,
 И в Ипокренский он источник наплевал.
 Смutil в нем чистые и ясные он воды,
 В сии текущие и памяты нам годы».
 (Пл. п. стих., 1.)

«Текущие годы» указывают на злободневность парнасских событий, а «поколебал» в стихах «твердыни Парнасса» не кто иной, как Майков. Его же имеет в виду Чулков и дальше:

«Писатели стихов схватили тут привычку
 И рядят для того Венеру в бабью кичку,
 Юнону наподхват описывают так,
 Что будто бы платок повязан на колпак.
 Юпитер в сапогах со скобками гуляет» и т. д.
 (Пл. п. стих., 2).
 «Потом я затацил в харчевню весь Парнас;